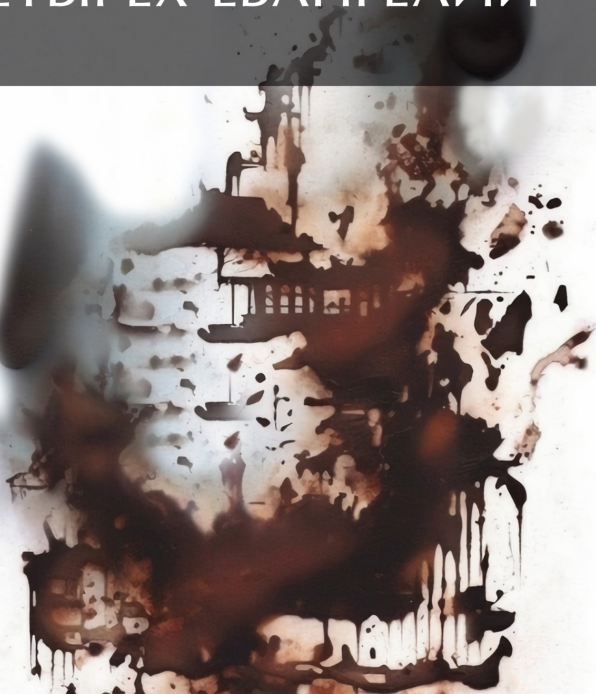

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

СОЕДИНЕНИЕ И ПЕРЕВОД ЧЕТЫРЁХ ЕВАНГЕЛИЙ

Литрес

Лев Николаевич Толстой

Соединение и перевод четырех Евангелий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=139284

Аннотация

«Слово свободно. Но в несвободе, запрещенное, оно не переходит в «свободу слова».

Обращенная к человечеству на рубеже XIX–XX веков религиозная проповедь Толстого, в несвободе – при единовластном царстве православной церкви и самодержавного государства – почти не была услышана: «Людей, разделяющих мои взгляды, едва ли есть сотня».

Толстой, как и религиозный мыслитель, проповедник христианского учения, был беспощадно гоним. Получал угрозы убийства и однажды, по почте, веревку – чтобы убил себя сам. В разные годы гонение испытывали самые близкие помощники и единомышленники Толстого (личный секретарь Николай Николаевич Гусев был уведен из Яснополянского дома, посажен в тюрьму и затем сослан в Чердынский уезд, Владимир Григорьевич Чертков под угрозой ареста выслан за границу без права возвращения в Россию). Рассыпались готовые типографские наборы запрещенных сочинений Толстого. Арестовывались и сжигались выпущенные тиражи книг, а

удавшееся их распространение грозило тюрьмой. Издатели устрашались судом и штрафами. Позже безгранично преданная отцу младшая дочь Александра не избежала первых советских кутузок... Особое озлобление российского общества, уже беременного революцией – то есть готовностью в неслыханных масштабах убивать друг друга, – вызывал приписываемый Толстому (наделе лишь выдвинутый им на первое место в христианском учении) не устраивавший никого ни в какие времена завет Христа – НЕПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ НАСИЛИЕМ...»

Содержание

Голос Толстого (от составителя)	6
Вступление	18
Введение	35
Значение заглавия	35
Цель книги	38
Разумение жизни	40
Возвешение о благе Иисуса Христа – сына Бога. Введение	52
Глава первая. Воплощение разумения	54
Рождение и детство Иисуса Христа	54
Общий смысл проповеди Иоанна	65
Искушение в пустыне	68
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Лев Толстой

Соединение и перевод четырех Евангелий

ТОЛСТОВСКИЙ ЛИСТОК № 6

*В сжатии составителя «Толстовского
листка» (Владимира Александровича Мороза)*

*По завещанию Л. Н. Толстого перепечатка
разрешается безвозмездно*

*«Если религия не на первом месте, она на
последнем»*

*«...причины угнетения находятся в самом
народе, а не вне его, сам народ поставил себя в такое
положение, отступив от истинной веры»*

*«То, что я отрекся от церкви, это совершенно
справедливо. Но я отрекся от нее не потому, что я
восстал на Господа, а, напротив, только потому,
что я всеми силами души желал служить ему»*

*«Для христианина нет и не может быть
никакой сложной метафизики. Все, что можно
назвать метафизикой в христианском учении,
состоит в простом понятном всем положении,
что все люди – сыны Бога, братья и потому
должны любить Отца и братьев и вследствие
этого поступать с другими так же, как желаешь,
чтобы поступали с тобой»*

*«в том-то и сила христианского учения, что оно
из области вечных сомнений и гаданий переводит*

Голос Толстого (от составителя)

Слово свободно. Но в несвободе, запрещенное, оно не переходит в «свободу слова».

Обращенная к человечеству на рубеже XIX–XX веков религиозная проповедь Толстого, в несвободе – при единовластном царстве православной церкви и самодержавного государства – почти не была услышана: «Людей, разделяющих мои взгляды, едва ли есть сотня».

Толстой, как и религиозный мыслитель, проповедник христианского учения, был беспощадно гоним. Получал угрозы убийства и однажды, по почте, веревку – чтобы убил себя сам. В разные годы гонение испытали самые близкие помощники и единомышленники Толстого (личный секретарь Николай Николаевич Гусев был уведен из Яснополянского дома, посажен в тюрьму и затем сослан в Чердыньский уезд, Владимир Григорьевич Чертков под угрозой ареста выслан за границу без права возвращения в Россию). Рассыпались готовые типографские наборы запрещенных сочинений Толстого. Арестовывались и сжигались выпущенные тиражи книг, а удавшееся их распространение грозило тюрьмой. Издатели уstraшались судом и штрафами. Позже безгранич-

но преданная отцу младшая дочь Александра не избежала первых советских кутузок... Особое озлобление российского общества, уже беременного революцией – то есть готовностью в неслыханных масштабах убивать друг друга, – вызывал приписываемый Толстому (наделе лишь выдвинутый им на первое место в христианском учении) не устраивавший никого ни в какие времена завет Христа – НЕПРОТИВЛЕНИЕ ЗЛУ НАСИЛИЕМ.

Всякая власть безбожна. В дни набирающей силы, откровенно безбожной власти, толстовцев стали убивать. «...толстовщина в полной мере разоблачает себя, как та сила, против которой направлен наш пролетарский атеизм... толстовщина дает оплот кулацкой идеологии, помогает кулакам бороться с большевиками под прикрытием лицемерного религиозно-нравственного учения о непротiwлениe злу... кулак, сектант, интеллигент, бесчисленные гады... все они имеют в аргументации Толстого верную нравственную самозащиту... Социализм для толстовщины – худший, самый ненавистный «дьявол»... Толстой и толстовщина относятся к числу тех явлений, против которых трудящиеся массы должны бороться... Толстой не ставил перед собой иных задач, как только выяснения основного, интересовавшего его вопроса, – вопроса о боге... пролетариат должен изжить и преодолеть вредное влияние толстовщины» («Атеист», 1928 г.).

Наибольшее рвение в неприятии Толстого проявляли те, кто, или вовсе не зная учения, или, не уяснив исток его –

боль и любовь к людям, узнавал о нем от его сознательных извратителей и хулителей. Так будет до тех пор, пока свое суждение о Толстом люди будут выводить из существующего на сегодня толсто ведения, которое, не принимая источник, питающий мировоззрение Толстого – Иисусово понимание Бога, не принимает и толстовского учения о Боге.

Непонятый, изуродованный атеистическим толкованием Толстой отдан в среду образования (от школы до академий), и непонятым, не принятым ни душой, ни сердцем от академий, по порочному кругу, снова возвращен школе. Мимо познания.

Чтобы не стать невольно причастным к гонению Толстого, не встать тем самым на пути движения истины от души к душе, надо, внимая совету Блока, «торопиться понимать Толстого с юности, пока наследственная болезнь призрачных дел и праздной иронии не успела ослабить духовных и телесных сил». Чтобы не оказаться затянутым мнимыми знатоками и исследователями толстовского мировоззрения в ложное понимание, в неведение, что есть Толстой на самом деле, надо, постоянно углубляясь, изучать Толстого.

Мы переживаем время, какого, может быть, никогда не было в России. Оно позволяет вывести мысль Толстого хотя бы вровень с другими, поначалу хотя бы в так называемый плюрализм, чтобы мысль Толстого могла открыться нам, его современникам, ведь последние десять лет своей жизни Толстой жил в «наше время», начав новый век новым понима-

нием христианского учения.

Как раньше, так и теперь голос Толстого есть проверка «гласностью» – гласности, свободой слова свободы. Проверка – действительно ли мы переживаем время, какого никогда не было в России, когда религиозная мысль Толстого может стать достоянием всех.

Цель этого издания – вывести из забвения великого религиозного мыслителя, о котором мало или почти ничего не известно просвещенному человечеству, тогда как обращение к мировоззрению Толстого и вживание его в жизнь людей могло бы означать не только возрождение России, но и спасение рада человеческого, стоящего на грани самоуничтожения. Распространение мировоззрения Толстого есть задача «Толстовского листка».

Началом религиозного пути мыслителя можно считать написанную им в 1880 году книгу «Исповедь». Завершением – оконченный в 1910 году грандиозный труд «Путь жизни». Тридцать последних лет своей жизни отданы Толстым на разъяснение истинности христианского учения, на необходимость руководиться им современному человечеству, которое, далеко удалившись по времени от Иисуса-Учителя, еще дальше отделилось от сущности его учения.

Раскрывая смысл учения Христа, суть которого в объединении народов мира в единую семью человечества – братство людей, имеющих одного Отца – Бога, Толстой не мог тем самым не задеть разделяющие мир государственные си-

стемы, не мог не обличить – «любовно обличить» (его слава) – существующие общественные, культурные, научные структуры, не мог не показать ложность различных философских учений, оправдывающих настоящее устройство мира, и прежде всего не мог не указать на главных виновников разделения мира – различные церковные учения – «ложные веры» (как их называл Толстой), в том числе и учение православной церкви. Умолчание и оболгание деятельности Льва Учителя, идущей вразрез с существующим порядком вещей утвержденным государством – господином над жизнью человеческой, и церковью – господином над душой человеческой, сделалось неизбежным. Соккрытие и извращение смысла жизни и труда Толстого стало целью как для представителей безбожной власти, так и для представителей ложной веры. Власть и ее институты, церковь и ее институты объединились в общем усилии – вырвать из нравственной жизни людей важнейшие творения религиозной мысли Толстого.

Основные труды Толстого, призванные направлять сознание человека к пониманию истины, и изменению своей жизни в соответствии с этим пониманием, не были опубликованы в России при жизни Толстого. Так же обошлись с трудами единомышленников, писавших о Толстом и его учении. До последнего времени не была известна ценнейшая книга Маховицкого, прошедшего последние годы жизни Толстого в его доме «Яснополянский дневник», свидетельствующая, что мыслительная жизнь человека рождается из высоконрав-

ственной жизни человека. Ближайший друг, помощник, единоведец Толстого В. Г. Чертков, о котором сам Толстой говорил, что он с ним «удивительно одноцентричен», годами собирал в один свод мысли Толстого. Труд этот преступно скрывается, покаясь мертвым грузом в одном из толстовских архивов, что лишает людей знания вершин религиозной мысли.

Россия до Толстого не имела своего духовного учителя, подобного Будде, Конфуцию, Лао-Цзы, Сократу, Иисусу. Эту роль со времени князя Владимира, перенесшего на русскую почву переписанные при императоре Константине евангельские тексты, выполняла союзничающая с государством православная церковь со своим церковным толкованием учения Христа, допускающим рабство людей, смертные казни, «христолюбивое воинство» – благословляющая убийство людей друг другом во имя «защиты отечества» и прочие дикости. Неудивительно, что Непримируемыми врагами и гонителями Толстого, возрождающего христианское учение в его чистоте, были и остаются церковь (с ложной верой в то, что вера в церковь – это и есть вера в Бога), и государство (сложной верой в то, что, соединенные в общую семью – «общество», люди могут быть братьями, не будучи «сынами Бога»). Усилиями церкви и государства величайший духовный учитель, несущий истину не только своему времени и своему народу, но и другим временам и другим народам, исключен из сознательной жизни человечества.

В последующие за октябрьским переворотом годы духовные писания Толстого, нужные как воздух духовно нищему обществу, были заключены в темницу – так называемую «стальную комнату» в Щукинском доме (ныне здание Академии художеств на Кропоткинской улице). Доступ к ним был разрешен немногим. Остальным: «Только через мой труп», – заявила, как известно, просвещающая массы соратница вождя отступившего от истинной веры народа.

Как прежде, так и теперь, печатаются и восхваляются художественные шедевры «великого писателя земли русской» (Толстой шутил: «Почему не воды?»). То же, что Толстой совершил как главное деяние своей жизни – возрождение религиозной мысли Христа, – отвергается и осмеивается. Главари атеизма называют философию Толстого «утонченной поповщиной». Бывший марксист Бердяев, впадший в православие, винит учителя непротивления злу насиле-ем, убеждавшего приходящих к нему рабочих не совершать революции: «Хуже будет. Придет к власти какой-нибудь адвокатишка (предугадал Ульянова-Ленина), – в том, что он «оказался источником всей философии русской революции», и что «необходимо освободиться от Толстого, как от нравственного учителя».

Полностью Толстого стали печатать лишь после смерти главного идеолога насилия и лишь благодаря упорству людей, признающих величие религиозной мысли Толстого и таких его единомышленников, как Владимир Григорьевич

Чертков и Николай Николаевич Гусев. Несмотря на принятое в 1924 г. Совнаркомом решение об издании всех без исключения сочинений Толстого, в том числе религиозно-философских трактатов, дневников и писем, издание это затянулось на десятки лет и закончилось лишь в конце пятидесятых годов. Так, главнейшие труды Толстого увидели свет не только спустя много лет после их создания, но и по сей день остаются недоступными оттого, что тираж многих из них не превышает пяти тысяч экземпляров. Кроме того, оказавшись в фондах библиотек, они сознательно списывались и уничтожались. Благодаря замалчиванию и преднамеренному сокрытию, Толстой – мыслитель, мудрец, учитель жизни остается почти неизвестным России и миру. «Толстовский листок» имеет целью вернуть жизни то, что намеренно скрывалось и скрывается.

«Толстовский листок» должен был бы открыться «Исповедью» – первым религиозно-философским творением Толстого, с которого художник Толстой преображается в Толстого – религиозного мыслителя (истинная деятельность не может начаться без исповеди), но составитель взял на себя смелость выдвинуть вперед те писания Толстого, которые могли бы сразу войти в каждый дом и стать домашним чтением в каждой семье: «Краткое изложение Евангелия», «Учение Христа, изложенное для детей», и особенно «Христианское учение» – то «возвещение о благе» (толстовский перевод слова «евангелие»), от которого поведет свое начало но-

вое благое человечество.

Сейчас со всех сторон можно слышать о необходимости «духовного возрождения России». Говорят: «Программа духовного возрождения необъятна». Но мало кто вспоминает Толстого. И вовсе не говорят о Толстом, как надо о нем говорить: как о великом духовном учителе России, как о последнем на сегодня, «ближайшем» нам по времени великом духовном учителе человечества.

Еще предстоит понять, что никакого духовного возрождения России и человечества не будет, пока отторгнут от жизни и не осознан совершенный Толстым во благо людей труд уяснения и разъяснения вечных, не отмененных ни «прогрессом», ни «цивилизацией» божественных истин. Соединение людей в братскую семью человечества возможно лишь на пути того христианства, которое началось со спасения Учения Иисуса Христа, совершенного Львом Толстым.

1991 г.

**К изданию «Толстовским листком»
«Соединения и перевода четырех
Евангелий» Л. Н. Толстого**

Исследовательский труд Толстого «Соединение и пере-

вод четырех Евангелий» печатается в сжати, произведенном составителем «Толстовского листка».

Составителем исключены:

- 1) греческий текст Евангелия, приводимый Толстым впереди канонического (церковного) перевода и своего перевода Евангелия;
- 2) канонический (церковный) перевод, приводимый Толстым параллельно своему переводу;
- 3) большинство отступлений в виде упоминания или разбора Толстым точек зрения богословов и историков религий;
- 4) большинство филологических обоснований Толстым тех или иных слов и понятий в своем переводе.

Имена евангелистов, номера глав и стихов канонического текста поставлены составителем в скобки впереди соответствующего им перевода Толстого.

Примечания Толстого (объяснения перевода и содержания отдельных стихов) разделены между собой короткой чертой (некоторые примечания выпущены).

Сжатие, произведенное по тексту «Юбилейного издания полного собрания сочинений Л. Н. Толстого» (т.24), имеет целью выдвинуть вперед раскрытую Толстым истинную сущность христианского учения.

Работа Толстого – очистительная. Раскрывающая сознанию людей спасительный смысл учения Христа – как откры-

тый пониманию путь жизни: обретение жизни в «духе Отца» исполнение «воли пославшего».

Раскрывая всю глубину евангельского текста, Толстой безжалостно отбрасывает наносный, вросший в него, не несущий религиозной мысли словесный сор, затемняющий живую ткань нравственных истин, мешающий сознанию вникнуть в них и внять им.

К этому труду расчищения Священного писания надо отнестись просто и честно: хочешь понимать то, ради чего явился в мир жизни Христос, как мыслитель и учитель жизни – понимать глубоко (давая осветиться своему сознанию, а следом за ним и своей жизни) – читаешь перевод Толстого. Хочешь не понимать, а читать так, как читается все – чтобы провести время, развлечься – читаешь переписчиков Евангелия времен Византии – всем известный перевод церкви.

Предпочитающий серьезное чтение – осознанное вбирание глубины мысли – неизбежно придет к неожиданному и радостному для себя открытию, что Толстой первый евангелист (не в очередности, а по значению) и единственный по донесению истинной сути Учения до сознания людей!

Известные нам имена четырех евангелистов, одних из тех многих людей, кто близко по времени стоял к жизни Христа, дошли до нас потому, что когда-то, согласно своему пониманию, изложили то, что знали о нем.

Позже, другие люди, согласно своему пониманию, заново описали рождение, жизнь и дела Христа, из чего составилось

«константиновское», признанное каноническим, а проще – церковное Евангелие.

Как евангелист, Толстой, в новом, но не более благоприятном для этого времени, довел до сознания людей «возвешение о благе», сделанное Христом, согласно своему пониманию. И именно это, самое глубокое понимание жизни и учения Христа, позволяет сказать, что Евангелие Толстого лучшее – первое!

Евангелие Льва – прямое наставление на Путь, так оно ясно. Высвобождая тот полный силы рисунок, каким пришел в мир жизни Христос.

с Богом! За чтение!

1995 г.

Вступление

Приведенный разумом без веры к отчаянию и отрицанию жизни, я, оглянувшись на живущее человечество, убедился, что это отчаяние не есть общий удел людей, но что люди жили и живут верою.

Я видел вокруг себя людей, имеющих эту веру и из нее выводящих такой смысл жизни, который давал им силы спокойно и радостно жить и так же умирать. Я не мог разумом выяснить себе этого смысла. Я постарался устроить свою жизнь так, как жизнь верующих, постарался слиться с ними, исполнять все то же, что они исполняют в жизни и во внешнем богопочитании, думая, что этим путем мне откроется смысл жизни. Чем более я сближался с народом и жил так же, как он, и исполнял все те внешние обряды богопочитания, тем более я чувствовал две противоположно действовавшие на меня силы. С одной стороны, мне более и более открывался удовлетворявший меня смысл жизни, не разрушаемый смертью; с другой стороны, я видел, что в том внешнем исповедании веры и богопочитании было много лжи. Я понимал, что народ может не видеть этой лжи по безграмотности, недосугу и не охоте думать и что мне нельзя не видеть этой лжи и, раз увидав, нельзя закрыть на нее глаза, как это мне советовали верующие образованные люди. Чем дальше я продолжал жить, исполняя обязанности верующего, тем бо-

лее эта ложь резала мне глаза и требовала исследования того, где в этом учении кончается ложь, и начинается правда. В том, что в христианском учении была сама истина жизни, я уже не сомневался. Внутренний, разлад мой дошел, наконец, до того, что я не мог уже умышленно закрывать глаза, как я делал это прежде, и должен был неизбежно рассмотреть то вероучение, которое я хотел усвоить.

Сначала я спрашивал разъяснений у священников, монахов, архиереев, митрополитов, ученых богословов. Разъяснены были все неясные места, часто недобросовестные, еще чаще противоречивые, все ссылались на св. отцов, на катехизисы, на богословие. И я взял богословские книги и стал изучать их. И вот изучение это привело меня к убеждению, что та вера, которую исповедует наша иерархия и которой она учит народ, есть не только ложь, но и безнравственный обман. В православном вероучении нашел изложение самых непонятных, кощунственных и безнравственных положений, не только не допускаемых разумом, но совершенно непостижимых и противных нравственности, и — никакого учения о жизни и о смысле ее. Но я не мог не видеть; что изложение богословия было ясно направлено не на изъяснение смысла жизни и учения о жизни, а только на утверждение самых непостижимых, ненужных мне положений и на отрицание всех тех; которые не признают этих положений. Это изложение, направленное на отрицание других учений, невольно заставило меня обратить внимание на эти другие веро-

учения. Другие оспариваемые вероучения оказались такими же, как и то православное, которое их оспаривало. Одни еще нелепее, другие менее нелепы, но все вероучения одинаково утверждали положения непостижимые и ненужные для жизни и во имя их отрицали друг друга и нарушали единение *людей главную основу христианского учения.*

Я был приведен к убеждению, что церкви никакой нет. Все различно верующие христиане называют себя истинными христианами и отрицают одних других. Все эти отдельные собрания христиан называют исключительно себя церковью и уверяют, что их церковь истинная, что от нее отпали другие и пали, а она устояла. Все верующие разных толков никак не видят того, что не оттого, что их вера осталась такою или иною, она есть истинная, а оттого они называют ее истинною, что они в ней родились или ее избрали и что другие точь-в-точь то же самое говорят про свою веру. Так что очевидно, что церкви одной и когда не было и нет, что церквей не одна, не две, а тысячи две, и что все друг друга отрицают и только утверждают, что каждая истинная и единая. Каждая говорит одно и то же: «наша церковь истинная, святая, соборная апостольская, вселенская. Писание наше святое, предание святое. Иисус Христос есть глава нашей церкви, и дух святой руководит ею, и она одна преемственно выходит от Христа Бога».

Если взять какую бы то ни было веточку из раскидистого куста, то совершенно справедливо будет сказать, что от ве-

точки к веточке, и сучка к суку, и от сука к корню всякая веточка преемственна от ствола, но не всякая одна исключительно преемственна. Все одинаковы. Сказать, что всякая веточка есть одна настоящая веточка, будет нелепо; а это то самое и говорят все церкви.

В самом деле, тысячи преданий, и каждое отрицает, проклиная одно другое и свое считает истинным: католики, лютеране, протестанты, кальвинисты, шекеры, мормоны, греко-православные, староверы, поповцы, беспоповцы, молокане, менониты, баптисты, скопцы, духоборцы и пр., и пр., все одинаково утверждают про свою веру, что она единая истинная и что в ней одной дух святой, что глава в ней Христос и что все другие заблуждаются. Вер тысяча, и каждая спокойно считает себя одну святою. И все знают это, и каждый, исповедующий свою веру за истинную, единую, знает, что другая вера точь-в-точь так же – палка о двух концах – считает свою истинною, а все другие – ересями. И 1800 лет скоро, как идет это самообманывание и все еще продолжается.

В делах мирских люди умеют разглядеть самые хитрые ловушки и не попадают в них; а в этой обмане 1800 лет миллионы живут, закрывая на него глаза. И в нашем европейском мире, и в Америке, где все по-новому, все – как будто сговорились – повторяют тот же самый глупый обман: исповедует каждый свои истины веры, считая их едиными истинными и не замечая того, что другие точь-в-точь то же самое делают.

Мало того, давно уже, очень давно, свободомыслящие лю-

ди и тонко и умно осмеяли эту людскую глупость и ясно показали, до какой степени это глупо. Они доказывали ясно, что вся эта христианская вера со всеми ее разветвлениями давно отжила, что пришла пора новой веры, и даже некоторые придумывали новые веры; но никто не слушает их и не идет за ними, а все по-старому верят каждый в свою особенную, христианскую веру: католики в свою, лютеране в свою, наши раскольники – поповцы – в свою, беспоповцы – в свою, мормоны – в свою, молокане – в свою и православные, те самые, к которым я хотел пристать, – в свою.

Что же это такое значит? Почему люди не отстают от этого учения? Ответ один, в котором согласны все свободомыслящие люди, отвергающие религию, и все люди других религий, – тот, что учение Христа хорошо и потому так дорого людям, что они не могут жить без него. Но почему же люди, верующие в учение Христа все разделились на разные толки и все больше и больше делятся, отрицают, осуждают друг друга и не могут сойтись в одном. веровании? Опять ответ прост и очевиден.

Причина разделения христиан есть именно учение о церкви, учение, утверждающее, что Христос установил единую, истинную церковь, которая по существу своему свята и непогрешима и может и должна учить других. Не будь этого понятия «церкви», не могло бы быть разделения между христианами.

Каждая христианская церковь, т. е. вероучение, несо-

мненно происходит из учения самого Христа, но не одно оно происходит, — от него происходят и все другие учения. Они все выросли из одного семени, и то, что соединяет их; что обще всем им, это то, из чего они вышли, т. е. семя. И потому, чтобы понять истинно Христово учение, не нужно изучать его, как это делает единое вероучение, от ветвей к стволу; не нужно также и так же бесполезно, как это делает наука, история религии, изучать это учение, исходя от его основания, исходя от ствола к ветвям. Ни то, ни другое не дает смысла учения. Смысл дается только познанием того семени, того плода, из которого все они вышли и для которого они все живут. Все вышли из жизни и дел Христа, и все живут только для того, чтобы производить дела Христа, т. е. дела добра. И только в этих делах они все сойдутся. Меня самого к вере привело отыскивание смысла жизни, т. е. искание пути жизни, как жить... И, увидав дела жизни людей, исповедовавших учение Христа, я прилепился к ним. Таких людей, исповедующих делами учение Христа, я одинаково и безразлично встречаю и между православными, и между раскольниками всяких сект, и между католиками и лютеранами; так что, очевидно, общий смысл жизни, даваемый учением Христа, почерпывается не из вероучений, но из чего-то другого, общего всем вероучениям. Я наблюдал добрых людей не одного вероучения, а разных и во всех видел один и тот же смысл, основанный на учении Христа. Во всех тех разных сектах христиан я видел полное согласие в воззрении

на то, что есть добро, что есть зло, и на то, как надо жить. И все эти люди это воззрение свое объясняли учением Христа. Вероучения разделились, а основа их одна; стало быть, в том, что, лежит в основе всех вер, есть одна истина. Вот эту-то истину я и хочу узнать теперь. Истина веры должна находиться не в отдельных толкованиях откровения Христа, – тех самых толкованиях, которые разделили христиан на тысячи сект, а должна находиться в самом первом откровении самого Христа. Это самое первое откровение – слова самого Христа – находится в Евангелиях. И потому я обратился к изучению Евангелий.

Знаю, что по учению церкви смысл учения находится не в одном Евангелии, но во всем писании и предании, хранимых церковью. Полагаю, что, после всего сказанного прежде, софизм этот, состоящий в том, что писание, служащее основанием моему толкованию, не подлежит исследованию, потому что толкование истинное и святое единственно принадлежит церкви, что софизм этот нельзя уже повторять... Тем более, что толкование-то каждое разрушено противным толкованием другой церкви; все святые церкви отрицают одна другую. Запрещение этого чтения и понимания писания есть только признак тех грехов толкований, которые, чувствует за собою толкующая церковь.

Бог открыл истину людям. Я – человек и потому не только имею право, но должен воспользоваться ею и стать к ней лицом к лицу без посредников. Если Бог говорит в этих кни-

гах, то он знает слабость моего ума и будет говорить мне так, чтобы не ввести меня в обман. Довод церкви о том, что нельзя допустить толкования писания для каждого, чтобы толкующие не заблудились и не распались на большое количество толков, для меня не может иметь значения. Он мог бы иметь значение тогда, когда толк церкви был бы понятен и когда была бы одна церковь и один толк. Но теперь, когда толкование церкви о сыне Божиим и Боге, о Боге в трех лицах, о деве, родившей без повреждения девства, о теле и крови Бога, съедаемом в виде хлеба, и т. п., не может вместиться в здоровую голову; и когда толк не один, а их тысячи, то довод этот, сколько бы его ни повторяли, не имеет никакого смысла. Теперь, напротив, толкование нужно, и нужно такое, в котором бы все согласились. А согласиться могут все только тогда, когда толкование будет разумно. Все мы сходимся, несмотря на различие, только в том, что разумно. Если откровение это – истина, то оно для убеждения не должно и не может бояться света разума: оно должно призывать его. Если все это откровение окажется глупостью, то тем лучше, и Бог с ним. Все может Бог, это – правда, но одного он не может, это – говорить глупости. А написать такое откровение, которого нельзя бы было понимать, было бы глупо.

Откровением я называю то, что открывается перед разумом, дошедшим до последних своих пределов, – созерцание божественной, т. е. выше разума стоящей, истины. Откровением я называю то, что дает ответ на тот неразрешимый ра-

зумом вопрос, который привел меня к отчаянию и самоубийству, – какой смысл имеет моя жизнь? Ответ этот должен быть понятен и не противоречить законам разума, как противоречит, напр., утверждение о том, что бесконечное число – чет или нечет. Ответ должен не противоречить разуму, потому что противоречивому ответу я не поверю, и потому он должен быть не только понятен и не произволен, а неизбежен для разума, как неизбежно признание бесконечности для того, кто умеет считать. Ответ должен отвечать на мой вопрос: какой смысл имеет моя жизнь? Если он не отвечает на этот вопрос, то он мне не нужен. Ответ должен быть такой, чтобы, хотя сущность его (как и сущность Бога) и была бы непостижима в себе, но чтобы все выводы последствий, получаемые от него, соответствовали моим разумным требованиям, и чтобы смысл, приданный моей жизни, разрешал бы все вопросы моей жизни. Ответ должен быть не только разумен, ясен, но и верен, т. е. такой, чтобы я поверил в него всею душою, неизбежно верил бы в него, как я неизбежно верю в существование бесконечности.

Откровение не может быть основано на вере, как ее понимает церковь – как доверие вперед тому, что мне будет сказано. Вера есть вполне удовлетворяющее разум последствие неизбежности, истинности откровения. Вера, по понятиям церкви, есть налагаемое на душу человека обязательство с угрозами и заманками. По моим понятиям, вера есть то, что верна та основа, на которой зиждется всякое действие

разума. Вера есть знание откровения, без чего невозможно жить и мыслить. Откровение есть знание того, до чего не может дойти разумом человек, но что выносится всем человечеством из скрывающегося в бесконечности начала всего. Таково, по мне, должно быть свойство откровения, производящего веру; и такого я ищу в предании о Христе и потому обращаюсь к нему с самыми строгими разумными требованиями.

Ветхий Завет я не читаю, потому что вопрос не состоит в том, какая была вера евреев, а – в чем состоит вера Христа, в которой находят люди такой смысл, который дает им возможность жить? Книги еврейские могут быть заняты для нас, как объяснение тех форм, в которых выразилось христианство; но последовательность веры от Адама до нашего времени мы не можем признавать, так как до Христа вера евреев была местная. Чуждая нам вера евреев занимательна для нас, как вера, например, браминов. Вера же Христова есть та вера, которою мы живем. Изучать веру иудеев для того, чтобы понять христианскую, все равно, что изучать состояние свечи до зажигания ее, чтобы понять значение света, происшедшего от горящей свечи. Одно, что можно сказать, это то, что свойство, характер света может зависеть от самой свечи, как и форма выражений Нового Завета, может зависеть от связи с иудейством, но свет не может быть объяснен тем, что он загорелся на той, а не на этой свече.

И потому ошибка, сделанная церковью в признании Вет-

хого Завета таким же боговдохновенным писанием, как и Новый Завет; самым очевидным образом отражается на том, что признав это на словах, церковь на деле не признает этого и впала в такие противоречия, из которых бы она никогда не вышла, если бы считала для себя сколько-нибудь обязательным здравый смысл.

И потому я оставляю писание Ветхого Завета, писание откровенное, по церковному выражению, в 27 книгах. В сущности же предание это не выражено ни в 27 книгах, ни в 5, ни в 138 книгах, как и не может выразиться откровение Божие в числе страниц и букв. Сказать, что откровение Божие выражено в 185 листах письма на бумаге, все равно, что сказать, что душа такого-то человека весит 15 пудов, или свет от лампы мерю 7 четвериков. Откровение выразилось в душах людей, а люди передали его друг другу и записали кое-что. Из всего записанного известно, что было более ста Евангелий и Посланий, не принятых церковью. Церковь выбрала 27 книг и назвала их каноническими. Но очевидно, что одни книги получше выражали предание, другие похуже, и эта постепенность не прерывается. Церкви надо было положить где-нибудь черту, чтобы отделить то, что она признает боговдохновенным. Но очевидно, что нигде черта эта не могла отделить резко полной истины от полной лжи. Предание — как тень от белого к черному или от истины ко лжи; и где бы ни провели эту черту, неизбежно отделены были бы те, где есть черное. Это самое и сделала церковь, отделив

предание и назвав одни книги каноническими, а другие апокрифическими. И замечательно, как хорошо она сделала это. Она выбрала так хорошо, что новейшие исследования показали, что прибавить нечего. Из этих исследований ясно стало, что все известное и лучшее захвачено церковью в канонических книгах. Мало того, как бы для того, чтобы поправить свою неизбежную при проведении этой черты ошибку, церковь приняла некоторые предания из книг апокрифических.

Все, что можно было сделать, сделано отлично. Но при этом отделении церковь погрешила тем что, желая сильнее отринуть не признанное ею и придать больше веса тому, что она признала, она положила огулом на все признанное печать непогрешимости. Все – от духа святого, и всякое слово истинно. Этим она погубила и повредила все то, что она приняла. Приняв в этой полосе преданий и белое, и светлое, и серое, т. е. более или менее чистое учение, наложив на все печать непогрешимости, она лишила сама себя права соединять, исключать, объяснять принятое, что составляло ее обязанность и чего она не делала и не делает. Все свято: и чудеса, и Деяния Апостольские, и советы Павла о вине и стомахе, и бред Апокалипсиса и т. п. Так что после 1800 лет существования этих книг они лежат перед нами в том же грубом, нескладном, исполненном бессмыслиц, противоречий виде, в каком они были. Допустив, что каждое слово Писания – святая истина, церковь старалась сводить, уяснять,

развязывать противоречия и понимать их; и сделала все, что может сделать, в этом смысле, т. е. дала наибольший смысл тому, что бессмысленно. Но первая ошибка была роковая. Признав все святое истиною, надо было оправдать все, закрывать глаза, скрывать, подтасовывать, впадать в противоречия и – увы! – часто говорить неправду. Приняв все на словах, церковь должна была на деле отказаться от книг. Таковы – вполне Апокалипсис и отчасти Деяния Апостолов, часто не только не имеющие ничего поучительного, но прямо соблазнительное.

Очевидно, что чудеса писались Лукою для утверждения в вере, и, вероятно, были люди, утверждавшиеся в вере этим чтением. Но теперь нельзя найти более кощунственной книги, более подрывающей веру. Может быть, нужна свеча там, где мрак. Но если есть свет, то его нечего освещать свечкой: он и так будет виден. Христовы чудеса – это свечи, которые приносят к свету, чтобы осветить его. Есть свет, то он и так виден, а нет света, то светит только поднесенная свечка.

Итак, читать 27 книг подряд, признавая каждое слово истинным, как читает церковь, нельзя и не нужно, ибо придешь точно к тому же самому, к чему пришла церковь, т. е. к отрицанию самое себя для того, чтобы понять содержание писания, принадлежащего к вере христианской, надо прежде всего решить вопрос: какие из 27 книг, выдаваемых за св. писание, более или менее существенны, важны, и начать именно с более важных. Такие книги, несомненно, суть четыре

Евангелия. Все предшествующее им может быть по большей мере только историческим материалом для понимания Евангелия; все последующее — только объяснение этих же книг. И потому не нужно, как это делают церкви, непременно соглашать все книги (мы убедились, что это более всего привело церковь к проповедованию непонятных вещей), а нужно отыскивать в этих четырех книгах, излагающих, по учению же церкви, самое существенное откровение, отыскивать самые главные основы учения, не сообразуясь ни с каким учением других книг; и это не потому, что я не хочу этого, а потому, что я боюсь заблуждений других книг, которые имеют такой яркий и очевидный пример.

Отыскивать я буду в этих книгах:

1. То, что мне понятно, потому что непонятному никто не может верить, и знание непонятного равно незнанию.
2. То, что отвечает на мой вопрос о том, что такое я, что такое Бог; и
3. Какая главная, единая основа всего откровения?

И потому я буду читать непонятные, неясные, полу понятные места не так, как мне хочется, а так, чтобы они были наиболее согласны с местами вполне ясными и сводились бы к одной основе.

Читая таким образом не раз, не два, а много раз, как самое писание, так и писанное о нем, я пришел к тому выводу, что все предание христианское находится в четырех Евангелиях, что книги Ветхого Завета могут служить только объяс-

нением той формы, которую избрало учение Христа, могут лишь затемнить, но никак не объяснить смысл учения Христа; что послания Иоанна, Иакова суть вызванные особенностью случая частные разъяснения учения, что в них можно иногда найти с новой стороны выраженное учение Христа, но ничего нельзя найти нового. К несчастью же, весьма часто можно найти, особенно в посланиях Павла, такое выражение учения, которое может вовлекать читающих в недоразумения, затемняющие самое учение. Деяния же Апостольские, как и многие послания Павла, часто не только ничего не имеют общего с Евангелием и посланиями Иоанна, Петра и Иакова, но и противоречат им. Апокалипсис прямо уже ничего не открывает. Главное же то, что, как ни разновременно они написаны, Евангелия составляют изложение всего учения; все же остальное есть толкование их.

Читал я по-гречески, на том языке, на котором оно есть у нас, и переводил так, как указывал смысл и лексиконы, изредка отступая от переводов, существующих на новых языках, составленных уж тогда, когда церковь своеобразно поняла и определила значение предания. Кроме перевода, я неизбежно был приведен к необходимости свести четыре Евангелия в одно, так как все они излагают, хотя и разноречиво, одни и те же события и одно и то же учение.

Новое положение экзегетики о том, что Евангелие Иоанна, как исключительно богословское, должно быть рассматриваемо отдельно, для меня не имело значения, так как цель

моя не есть ни историческая, ни философская, ни богословская критика, а отыскивание смысла учения. Смысл учения выражен во всех четырех Евангелиях; и потому если они все четыре суть изложение одного и того же откровения истины, то одно должно подтверждать и уяснять другое. И потому я рассматривал их, соединяя в одно все Евангелия, не исключая и Евангелия Иоанна.

Попыток соединения Евангелий в одно было много, но, все, которые я знаю, — Arnolde, de Vence, Фаррапа, Рейса, Гречулевича, — все они берут исторические основы соединения, и все они безуспешны. Ни одно не лучше другого в смысле историческом, и все одинаково удовлетворительно в смысле учения. Я оставляю совершенно в стороне историческое значение и соединяю только по смыслу учения. Соединение Евангелий на этом основании имеет ту выгоду, что учение истинное представляет как бы круг, которого все части одинаково определяют значение друг друга и для изучения которого безразлично начинание изучения с одного или другого места. Изучая таким образом Евангелия, в которых с учением так тесно связаны исторические события жизни Христа, для меня историческая последовательность оказалась совершенно безразличною, и для последовательности исторических событий мне было все равно избрать за основу тот или другой свод Евангелий. Я избрал два самые новые свода составителей, воспользовавшихся трудами всех предшественников: Гречулевича и Рейса. Но так как Рейс отде-

лил от синоптиков¹ Иоанна, то для меня был удобнее свод Гречулевича, и я его взял за основу своей работы, сличал его с Рейсом и отступал от обоих, когда смысл того требовал.

¹ *Синоптическими* называют Евангелия от Матфея, от Марка, от Луки (ред.)

Введение

Значение заглавия

Возвешение о благе по Матфею, Марку, Луке Иоанну.
(Мр. I, 1).

Начало возвещения о благе Иисуса Христа, сына Божия.

Слово Εἰς ἄλιν (Евангелие) обыкновенно не переводят. Под этим словом разумеют книги Нового Завета об Иисусе Христе, и другого смысла этому слову не приписывается. Между тем слово это имеет определенное, связанное с содержанием книг значение. Буквальный перевод слова по-русски – *благовесть*. Перевод этот неправилен: 1) потому что «*благовесть*» на русском языке имеет другое значение; 2) потому что оно не передает значения обоих составных слов εὖ и ἄλιν. Εὖ значит: *хорошо, добро, благо*, верно; ἄλιν значит не столько *сообщенная весть, известие*, сколько самое действие *сообщения известия*. И потому точнее всего слово это переводится выражением *возвешение*. А потому сложное слово εὐἰς ἄλιν должно быть переведено: *благовозвешение* или *возвешение блага*, – или понятнее по русски: *возвешение о благе*.

Слово Χριστός означает помазанник. Значение этого слова соединено с преданиями евреев. Для смысла же содержа-

ния возвещения о благе слово это не представляет значения и может быть безразлично передаваемо: «помазанник» или «Христос». Я предпочитаю слово *Христос*, так как «помазанник» получило в русском языке другое значение.

Выражение «сын Божий» принимается церковью как наименование исключительно Иисуса Христа. Но по Евангелию оно не имеет этого исключительного значения; оно одинаково относится и ко всем людям. Это значение ясно выражается во многих местах Евангелия.

Говоря народу вообще, Иисус говорит (Мф. V, 16): Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли *Отца вашего* небесного.

В другом месте (Мф. V, 45): Да будете сынами *Отца вашего* небесного.

Лк. VI, 36: Итак, будьте милосерды, как и *Отец ваш* милосерд.

Мф. VI, 1: Иначе не будет вам награды от *Отца вашего* небесного.

– 4: И *Отец твой*, видящий тайное воздаст тебе явно.

– V, 48: Итак, будьте совершенны, как совершен *Отец ваш* небесный.

– VI, 6: Помолись *Отцу твоему*, который втайне; и *Отец твой*, видящий тайное, воздаст тебе явно.

– 8: Ибо знает. *Отец ваш*, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у него.

– 14: Ибо, если вы будете прощать людям согрешения их,

то простит и вам *Отец ваш* небесный.

И многие другие места Евангелий, в которых сынами Бога называются все люди. Но мало того, в Евангелии Луки находится место, в котором говорится не только о том что под словами «сын Бога» должно разуместь всякого человека, но и то, что Иисус называется сыном Бога не в каком-нибудь исключительном смысле, а только в том, что он, Иисус, как и все люди, произошел от Бога и потому сын Божий. Излагая родословную Иисуса, Лука, восходя от матери к деду, прадеду и далее, говорит (111,23–38): «Иисус... был сын... Еносов, Сифов, Адамов, Божий».

Итак, слова: *Иисуса Христа, сына Божия* – обозначают то лицо, кем сделано это возвешение. Лицо это названо так, как оно названо людьми – Иисусом; кроме того, названо Христом, т. е. избранником Божиим; кроме того, названо сыном Божиим.

Заглавие это определяет содержание книги. Сказано, что в книге возвещается людям благо. Значение этого заглавия необходимо помнить для того, чтобы уметь отбирать в книге места более существенные от менее важных. Так как содержание книги есть возвешение блага людям, то все, что определяет это благо людей и *есть самое существенное*; все же, не имеющее целью возвестить благо, менее существенно.

Итак, заглавие полное будет: *Возвешение истинного блага, сделанное Иисусом Христом, сыном Божиим.*

Цель книги

(Ин. XX, 31; Лк. 1, 1–4)

Написано это для того, чтобы верили, что Иисус Христос есть сын Божий, и, поверивши, получили бы жизнь через то, что он был.

Так как уже многие начали связно рассказывать о случившихся у нас делах, как передали нам самовидцы и исполнители учения, решился и я, узнав обо всем верно, с самого начала написать тебе по порядку, господин Феофил, чтобы ты – о тех поучениях, которым тебя учили, узнал самую настоящую правду.

Слова буквально переведенные «во имя его», представляются одно из тех выражений, которым мы, дословно переводя их, приписываем произвольное и чаще всего неясное значение. Еврейское слово, соответствующее слову *ὄνομα*, означает не имя, а самое лицо, самую особу, самое то, что он есть; и потому слова: «имели жизнь во имя его» должны пониматься так, что жизнь дается самую сущностью того, что есть сын Божий. Я перевожу: *через то, что он был*.

Слова «очевидцами и служителями Слова» переведены неправильно. В этом выражении логос не может значить «слово»: нельзя быть очевидцем слова. Здесь слово (логос) не может означать ничего иного, как *проповедь учения* или *мудрости*; и так и должно перевести.

В предисловии этом (Иоан. XX, 31) сказано, что верою в то, что Иисус Христос был сын Бога, люди будут иметь «жизнь».

Точно так же, как в словах *возвешение о благе* подразумевается какое-то особенное, более твердое, истинное благо, чем то, что люди считают за благо, и в слове *жизнь*, которую люди будут иметь, очевидно подразумевается какая-то не та жизнь, которую люди считают жизнью. Эта другая жизнь получается верою в то, что есть сын Бога. Хотя и не определено, что надо разуметь подвыражением «сын Бога», указывается на то, что с этой сыновностью Богу связывается и самое возвешение о благе.

Итак, смысл этого стиха Иоанна следующий: написано возвешение о благе для того, чтобы все люди, уверившись в том, что Иисус Христос был сын Бога, получили бы жизнь чрез веру в то, что и есть сын Бога.

Разумение жизни

(Ин. I, 1, 2.)

Началом всего стало разумение жизни.

И разумение жизни стало за Бога.

И разумение-то жизни стало Бог.

Оно стало началом всего за Бога.

Церковный перевод первого стиха не только не имеет ни-какого смысла, но при том значении, которое он дает глаголу ἦν, и не может иметь его. Перевод такой: «Вначале было Слово». Это не есть перевод мысли, а перевод слов. Мысли не выходит, а каждому отдельному слову дается мистическое и произвольное толкование. Чтобы найти смысл этих выражений, необходимо отрешиться от церковного толкования и разобрать каждое слово. Смысл первого стиха только тогда поймем, когда его поймем в связи со всем Введением и заглавием. Введение (Ин. 1, 1-18) говорит о том, какой получается смысл по возвещению. И вот первые слова выражают этот смысл.

Предлог ἐν означает пребывание в чем-либо. С глаголом движения он означает перемещение и пребывание в чем-либо.

Арχή означает начало не только временное, а и основное, – начало всех начал; и потому я. перевожу – *начало всего*.

Нυ (от глагола быть) означает, кроме существования, и перемену и часто может и должен переводиться словами: *делаться, становиться*.

Λόγος имеет одиннадцать главных значений: 1) слово; 2) речь; 3) беседа; 4) слух; 5) красноречие; 6) разум, как отличие человека от животного; 7) рассуждение, мнение, учение; 8) причина, основание думать; 9) счет; 10) уважение и 11) отношение (λόγος ἐγένετο πρὸς – быть в соотношении с кем-нибудь).

Задайте ученику, знающему греческий язык, но не знающему церковного учения, перевести первый стих Иоанна, и всякий ученик для толкового перевода этого места, по смыслу дальнейшего, откинет семь не возможных в первом предложении значений слова λόγος, именно значения: слово, речь, беседа, слух, красноречие, счет и уважение. Он будет выбирать между значениями: разума, причины, рассуждения и соотношения. Все эти четыре значения, даваемые слову λόγος при переводах, подходят к смыслу предложения; но каждое из них отдельно – недостаточно. *Разум* есть слово, определяющее только способность человека мыслить. *Рассуждение* есть только действие этой способности. *Соотношение* есть то, что дает материал способности мыслить. *Причина* есть одна из форм мышления. Каждое значение порознь определяет одну сторону деятельности мысли. Λόγος же здесь имеет, очевидно, самое широкое и основное значение. Значение это лучше всего определяется в таком же

введении о том же предмете того же писателя. Там (1. Послан. Ин. 1, 1) сказано: λόγουτῆς ζωῆς т. е. *смысл жизни*. Для передачи этого слова по-русски я нахожу наиболее подходящим слово разумение, потому – что это слово соединяет все четыре возможные значения слова λόγος.

Разумение есть не только разум, но и действие разума, ведущее к чему-то, не только причина, но и *искание* ее; не только рассуждение, но и *рассуждение, выясняющее причину*, и не только отношение, но и *разумная деятельность по отношению причины*; а с прибавлением слова τῆς ζωῆς, которое прибавляет Иоанн в 1 Послании, значение становится вполне точным и ясным – *разумение жизни*. Я не отрицаю никакого другого перевода; можно поставить и слово «разум» или «премудрость» и даже оставить «слово», приписав ему более широкое, не свойственное ему значение; можно даже оставить, не переводя, слово «логос»; смысл всего места будет тот же самый.

Итак, перевожу дословно первое предложение 1-го стиха так: *В начале всего стало разумение жизни*. И перевод этот представляется совершенно ясным, если иметь в виду заглавие, т. е. – возвешение Иисуса Христа о благе. *В начале всего или началом всего стало разумение жизни по возвешению Иисуса Христа*.

Второе предложение 1-го стиха в церковном переводе еще более безнадежно непонятно. Для устранения этой, непонятности прежде всего надо обратить внимание на слова «Бог».

Слава «Бог» служит как бы определением того, что есть «логос». И потому необходимо знать, что автор понимает под словом «Бог».

В заключение этого Введения, в 18-м стихе и в 1 Посл. Иоан. IV, 12, сказано, что. *Бога не видел никто никогда*. И потому для того, чтобы эти первые стихи небыли поняты превратно, для того, чтобы читатель не связал с словом «Бог» такого понятия, которого не соединяет с этим словом писатель, нужна помнить, как писатель понимает эта слава. Только при таком указании на то, что слово «Бог» не надо и нельзя понимать, как что-то понятное, определенное, смысл первых стихов может быть понятен.

Церковный перевод «у Бога» получил мистическое толкование, и церковь удовлетворилась им, забыв совершенно то, что, это не есть перевод, а произвольное толкование. Но так как я ищу смысла в книге, которую я читаю, и не позволяю себе давать произвольного значения словам, то я должен был или откинуть эти слова, как непонятные, или найти их значение, соответственное законам языка и здравого смысла.

Понятие о Боге предполагается известным и говорится о том источнике, из которого явилось это понятие. Говорится: по возвещению Иисуса Христа началам всего стала разумение жизни. И разумение жизни, поучению Иисуса, *заменило* понятие Бога или слилось с ним.

Если бы нужна была подтверждение такого понимания этих двух стихов, то 18-й стих, заключающий все рассужде-

ние и прямо выражающий ту мысль, что Бога никто не познал, а *явил сын в логосе*, и все рассуждение, говорящее тоже самое, и следующие стихи, говорящие о том, что *логосом* все рождено и без негa ничто не рождено, и все дальнейшее учение, развивающее ту же мысль, — все подтверждает тоже самое.

Смысл этих стиха в такой: *По возвещению о благе Иисусом Христом в основу и начало всего стало разумение жизни. Разумение жизни стало вместо Бога. Разумение жизни стало Бог.*

Оно-то по возвещению Иисуса Христа стало основой и началом всего вместо Бога.

(Ин. 1, 3–5)

Все чрез разумение родилось, и помимо разумения не родил ось ничто из того, что живо и живет.

В нем стала жизнь, то же, что свет людей стал жизнью.

Так же как свет в темноте светит, и темнота его не поглощает.

Φως — свет — по всем контекстам означает истинное разумение жизни.

Прежде сказано, что началом всего стала разумение жизни; теперь говорится, что только разумение дает жизнь и что без разумения не может быть жизни. Жизнь заключается только в разумении ее. Четвертый стих подтверждает эта и говорит: жизнь находится во власти разумения. Только разумение дает возможность жизни. Истинная жизнь есть таль-

ка та, которая освещена светам разумения. Свет людей есть истинная жизнь, свет дает свет, и нет в нем темноты. Так и разумение дает жизнь, в которой нет смерти.

Все, что стала истинно живо, стало таким только чрез разумение. Жизнь истинная, по возвещению Иисуса Христа, стала только в разумении. Или иначе сказать: свет – разумение людей – стал для людей истинною жизнью.

Точно так же, как свет есть истинно сущее, а темнота есть только отсутствие света. И темнота не может уничтожить света.

(Ин. 1, 6-13)

Был человек послан от Бога, имя ему Иоанн.

Он пришел для показания, чтобы показать свет разумения, чтобы все верили в свет разумения.

Он сам не был свет, но пришел только, чтобы показать свет разумения.

Оно стало истинным светом, таким, который освещает всякого человека, приходящего в мир.

Оно явилось в мир, и мир чрез него родился, и мир его не знал.

Оно явилось в отдельных людях, и отдельные люди его не принимали в себя.

Но все те, которые поняли его, всем тем оно дало возможность стать сынами Бога, верою в значение его.

Так как они родились не от кровей и от похоти плоти и похоти мужа, а от Бога.

Сказано, что жизнь мира подобна свету в темноте. Свет светит в темноте, и темнота его не удерживает. Живое живет в мире, но мир не удерживает жизнь в себе. Теперь, продолжая речь о разумении, говорится о том, что оно было тот свет, который освещает всякого живого человека, тот настоящий свет жизни, который известен всякому человеку; так что разумение разлито во всем мире, – в том мире, который жив им; но весь мир не знает этого, не знает того, что в разумении только сила, основа, власть жизни. Разумение было в отдельных людях, и отдельные люди не приняли его в себя, не усвоили его себе, не поняли, что жизнь только в нем. Разумение было в своем собственном произведении – сыне, но сын не признавал своего Отца. Ни все человечество, ни большинство людей порознь не понимали того, что они живут только разумением, и жизнь их была, как свет, являющийся в темноте, вспыхивающий и угасающий.

Была жизнь, проявляющаяся среди смерти и опять поглощавшаяся смертью. Но тем, кто понял разумение, всем тем оно дало *возможность верою в свое происхождение от него, сделаться сынами его.*

12-й стих, кажущийся столь нескладным и запутанным при первом чтении, так точен и ясен, если его переводить строго, что для разъяснения его ничего нельзя прибавить, как только повторить его с заменою причастия *πότερου* отглагольным существительным, строго выражающим то же самое. После того как сказано, что жизнь для людей была как

свет в темноте, что она проявлялась и поглощалась смертью, говорится: но, несмотря на то, что это так было, разумение давало возможность людям сделаться сынами разумения и этим избавиться от смерти. В 12-м стихе сказано, что разумение дало людям возможность сделаться сынам Бога. Для того, чтобы понять, что значит это выражение – сделаться сынами Бога, – о чем подробно и ясно изложено в беседе с Никодимом (Ин. III, 3-21), нужно вспомнить то, что сказано сначала. Разумение есть Бог. Следовательно, сделаться сыном Бога значит сделаться сыном разумения. Что значит сыном? В 3-м стихе сказано, что все, что родилось, родилось от разумения. То, что родилось, то есть сын, следовательно, все мы сыны разумения, и потому, что же значит: сделаться сыном разумения? На этот вопрос отвечает 4-й стих. Он говорит, что жизнь находится во власти разумения и потому сыновность разумению двоякая: одна естественная – все сыны разумения; а другая, зависящая от воли людей, от признания зависимости своей жизни от разумения. Точно так же, как плотская сыновность тоже всегда двоякая: всякий непременно – хочет или не хочет – сын своего Отца и всякий может признавать и не признавать Отца. И потому сделаться сыном разумения значит понять то, что жизнь во власти разумения. Это самое сказано в 9-11 стихах. Сказано, что люди не признавали того, чтобы жизнь была вся в разумении. И в 12-м стихе сказано, что, однако, поверив в значение разумения, они могли сделаться вполне сынами его, потому что все лю-

ди произошли не от похоти мужчины и от кровей женщины, а от разума. Стоит признать это, чтобы и по происхождению и по признанию быть вполне сынами разума.

Смысл стихов следующий:

Разумение было во всех людях. Оно было в том, что оно произвело; – все люди живы только потому, что они рождены разумением. Но люди не признали своего Отца разума – и не жили им, а полагали источник своей жизни вне его. Но всякому человеку, понявшему этот источник жизни, разумение давало возможность верою в это сделаться сыном Бога – разума, так как все люди рождены и живы не от крови женщины и от похоти мужчины, а от Бога – разумением. В Иисусе Христе проявилось полное разумение.

(Ин. 1, 14–17)

И разумение сделалось плотью и поселилось среди нас, и мы увидали учение учение его, как однородного от Отца, законченное учение богоугождения делом.

Иоанн показывает о нем и кричит и говорит: это тот, про которого я говорю. Тот, кто позади меня пришел, тот прежде меня родился, потому что он первый был.

Потому что от выполнения его все мы постигли Богоугождение вместо богоугождения.

Потому что Моисеем дан закон. Богоугождение же делом произошло через Иисуса Христа.

Χάρις значит: 1) прелесть, приятность, любезность, красота; 2) благосклонность; 3) благодарность; 4) все то, что вы-

зывает благодарность, – благотворение; 5) дары, жертва и само жертвоприношение, богоугождение, culte. В этом месте я перевожу χάρις через *богоугождение*, потому что в 16-м стихе говорится, что Христос дал нам, χάριν ἀντὶ χάράριτος, т. е. одну χάριν вместо другой. Одна χάρις есть закон Моисея, т. е. закон богоугождения, следовательно χάρις Христа есть богоугождение по учению Христа.

Чтобы придать смысл этому месту, надо переводить χάρις через *богоугождение* и ἀλήθεια, через слово *делом, на деле*; и тогда выходит тот смысл, что совершенное учение богоугождения *на деле* дал нам Иисус Христос, потому что от совершенства его мы получили радостное, свободное, жизненное богоугождение, вместо богоугождения внешнего. Закон дан Моисеем, но богоугождение, исполняемое на деле, дано нам Иисусом Христом.

В предшествующих стихах говорится о том, как проявилось разумение в мире и в людях. Сказано, что люди могли, признав разумение основой своей жизни, сделаться сынами Бога, удержать в себе разумение. Теперь говорится о том, как это самое совершилось в мире. Говорится, что разумение сделал ось плотью, явилось в плоти, жило с нами. Слова эти, связанные с 17-м стихом, В котором сказано, что новое учение дано нам Иисусом Христом; нельзя понимать иначе, как относя их к Иисусу Христу.

Учение в том самом, что, как сказано выше, дает истинную жизнь, в признании себя сыном Бога, однородным ему.

Слова эти по смыслу всего предшествующего означают то, что основа учения Иисуса Христа была та, что жизнь произошла от разумения и однородна ему. Далее говорится, что учение это есть полное, законченное учение о богоугождении делом. Учение это совершенно и законченно именно потому, что к учению богоугождения по закону оно присоединяет учение о богоугождении на деле.

Все дальнейшее учение, как у Иоанна, об отношениях Отца к сыну, так и у Матфея и других евангелистов, о том, что Христос пришел не изменить закон, но выполнить, и многое другое, ясно подтверждает верность этого смысла.

В 14-м стихе сказано, что учение Иисуса Христа, как однородного сына от Отца, есть законченное учение богоугождения на деле.

Смысл стихов следующий.

В Иисусе Христе разумение слилось с жизнью и жило между нами, и мы поняли его учение о том, что жизнь произошла от разумения и однородна ему, – как сын произошел от Отца и однороден ему; мы получили законченное учение богоугождения делом, потому что по исполнению Иисусом Христом все мы постигли новое богоугождение вместо прежнего, так как Моисеем был дан закон, – богоугождение же делом произошло через Иисуса Христа.

В чем состояло разумение Иисуса Христа.

(Ин. 1, 18)

Бога никто не постигал, и не постигнет никогда, однород-

ный сын, будучи в сердце Отца, он указал путь.

Слова: «Бога никто не видал никогда», кроме их общего значения, имеют еще то частное значение, что отрицают еврейское представление о Боге, виденном на Синае и в купине.

Если бы могло быть еще малейшее сомнение в прямом и точном значении слов 1-го стиха о том, что разумение стадо Бог, то этот 18-й стих, не допуская никакого перетолкования слов, говорит, что мы не можем говорить о Боге, которого не разумеем, что нет и не может быть другого Бога, как тот, который открывается сыном Бога разумением жизни, если она заключает себя в разумении. Бога никто никогда не видел и не познал, только однородный сын, будучи в сердце Отца, указал путь.

Сын – значит жизнь, живой человек, как сказано в стихе 3-м: «Все, что рождено, рождено разумением». И в стихе 4-м, где сказано, что «в нем жизнь», и в стихах 12-м и 13-м, что «сыны Бога те, которые признали, что они рождены разумением». *Однородный сын* значит *такой же, как Отец. Будучи в сердце Отца* – значит, что жизнь, живой человек, будучи в сердце, т. е. не выходя из разумения, сливаясь с ним, указывает только путь к нему, но не являет его.

Смысл стиха следующий:

Бога никто не видел и не видит ни когда, только жизнь в разумении показала путь к нему.

Возвешение о благе Иисуса Христа – сына Бога. Введение

Возвешение это написано для того, чтобы люди уверовали в то, что Иисус Христос – сын Бога, и этою верою в то самое, что он был, получили бы жизнь (Ин. XX, 31).

Бога никто никогда не познал и не познает. Все, что мы знаем о Боге, мы знаем потому, что имеем разумение. И потому истинное начало всего есть разумение. (То, что мы называем Богом, есть разумение. Разумение есть начало, всего, оно есть истинный Бог) (Ин. I, 1, 2.).

Без разумения ничего не может быть: все произошло от разумения. В разумении – сила жизни. Как только потому, что есть свет, существует для нас все разнообразие вещей, точно так же только потому, что есть разумение, существует для нас все разнообразие жизни – сама жизнь. Разумение есть начало всего. (Ин. I, 3, 4).

В мире жизнь не обнимает всего. В мире жизнь проявляется, как свет среди мрака. Свет светит, покуда он светит, и темнота не удерживает света и остается темнотою. Так и в мире жизнь проявляется среди смерти, и смерть не удерживает жизни, но остается смертью. (Ин. I, 5).

Источник жизни – разумение – было во всем мире и в каждом живом человеке. Но живые люди – живые только потому, что в них было разумение, не понимали того, что они

произошли от разумения (Ин. I, 9-10). Не понимали того, что разумение давало им возможность слиться с ним, так как они живы, не от плоти, а от разумения. Поняв это и поверив в свою сыновность разумению, люди могли иметь истинную жизнь (Ин. I, 12, 13).

Но люди не поняли этого, и жизнь в мире была, как свет в темноте. Бога, начала всех начал, никто никогда не познал и не познает, только жизнь в разумении указала путь к нему (Ин. I, 18).

И вот Иисус Христос, живя среди нас, явил разумение в плоти, в том, что жизнь произошла от разумения и однородна ему, так же как сын произошел от Отца и однороден ему. И, глядя

на его жизнь, мы поняли полное учение богоугождения делом, потому что, вследствие совершенства его, мы поняли новое богоугождение в место прежнего. Моисеем был дан закон, но богоугождение делом произошло через жизнь Иисуса Христа.

Бога никто не видал и не видит никогда, только сын Бога в человеке указал путь к нему.

Глава первая.

Воплощение разума

Рождение и детство Иисуса Христа

Лк. I гл., от 5 до 25 стиха включительно.

В стихах этих рассказываются чудесные события, относящиеся к рождению Иоанна Крестителя. События эти не имеют не только ничего общего с учением Иисуса Христа и возвещением о благе, но даже не касаются самого Иисуса Христа, и потому, как бы эти события ни были понимаемы, они ничего не могут изменить в смысле учения Иисуса Христа.

Лк. I гл., 26–79 включительно.

Стихи эти излагают чудесные события, предшествовавшие рождению Иисуса Христа, и связываются с такими же чудесными и чуждыми учению событиями, сопровождавшими рождение Иисус Христа.

Мф. I гл., 1-17 включительно, и Лк. III гл. 23–38 включительно.

В стихах этих излагаются два родословия Иисуса Христа. Если бы даже родословия эти и были согласны между собою, они не касаются учения и, как бы ни были понимаемы, ничего не могут ни прибавить, ни убавить, ни изменить уче-

ния, и потому все выписанные стихи должны быть отнесены к прибавлению.

(Мф. I, 18–21, 24, 25)

Рождение Иисуса Христа так было: когда выдана была его мать Иосифу, прежде чем им сойтись, оказалась она беременна.

Иосиф, муж ее, был праведен: не хотел ее уличить и задумал без огласки отпустить ее.

Но когда он подумал это, ему приснилось, что посланный от Бога явился ему и сказал: не бойся принять Марию, жену твою потому что то, что родится от нее, родится от духа святого.

И она родит сына, и назовешь его Иисус, что значит Спаситель, потому что он спасет людей от грехов их.

Проснувшись, Иосиф сделал, как велел ему ангел Божий, и принял ее себе в жены.

И не имел с ней дела, пока она не родила своего первого сына и назвала его Иисус.

Слова: «от духа святого» в этом месте означают рождение свыше, то самое рождение, которое по беседе с Никодимом свойственно всем людям.

Стихи 22, 23 утверждают, что рождение Иисуса исполнило пророчество. Это пророчество в высшей степени натянуто и не только не подтверждает, но подрывает тезис писателя.

Смысл стихов следующий:

Была девица Мария. Девица эта забеременела неизвест-

но от кого. Обрученный с нею муж пожалел ее и, скрывая ее срам, принял ее, от нее-то и неизвестного Отца родился мальчик. Мальчика называли Иисус. (И этот-то Иисус был разумение во плоти. Он-то и явил миру Бога, которого никто не знал и не знает.) И этот-то Иисус был тот Иисус, сын Божий, который дал миру то учение, о котором говорит Иоанн и которое изложено в Евангелиях.

Лк. II гл., 1-12 ст. включительно.

Мф. II гл., 1-12 ст.

Лк. II гл., 22–38 ст. включительно.

Мф. II гл., 13–23 ст.

Лк. II гл., 39 ст.

В стихах этих описывается рождение Иисуса Христа и странствование его с матерью, сопровождаемое чудесными событиями и предсказаниями.

Стихи эти не содержат в себе ничего, относящегося к учению Иисуса и даже до событий, которые могли иметь влияние на него. Объяснение этих глав есть то, что это – легенды, образовавшиеся, как они и теперь образуются, вокруг детства лица, получившего после своей смерти большое значение. Мотив этих глав есть придание как можно большей важности лицу посредством чудес и пророчеств. Низменный тон этих описаний, в особенности у Луки, напоминающий многие апокрифические сказания, поражают своею несоответственностью с другими местами тех же книг.

Нельзя себе представить человека, который бы, поняв

вполне учение, выраженное во вступлении Иоанна, признавал бы легенды о рождении. Одно исключает другое. Для того, кто понял значение сына Божия, как сына разума, как оно объяснено во вступлении, для того рассказы о событиях, предшествовавших рождению Иоанна и Иисуса Христа, и рассказ о самом рождении и последующих обстоятельствах не могут быть понятны, а главное – нужны. Тот же, кто приписывает значение и важность чудесному рождению Иисуса от девы и духа святого, как мужа, очевидно, не понял еще значения сына разума.

Значение всего места то, что оправдывается позорное рождение Иисуса Христа. Сказано, что Иисус Христос было разумение, он один явил Бога. И этот самый Иисус Христос родился в самых считающихся постыдными условиях, от девы.

Все эти главы суть оправдания с человеческой точки зрения этого позорного рождения. Позорное рождение и незнание Иисусом своего плотского Отца есть единственная черта этих глав, имеющая значение для последующего учения Иисуса Христа.

(Лк. II, 40–52; Лк. III, 23)

Мальчик возрастал и мужал духом, и прибавлялось в нем разума. И милость Божия была на нем.

И ходили родители его каждый год в Иерусалим к празднику Пасхи.

И когда Иисусу было 12 лет, родители его пришли в Иеру-

салим по обыкновению на праздник.

И кончился праздник, и им уже идти домой, остался мальчик Иисус в Иерусалиме. И не заметили Иосиф и мать Иисуса.

Думали, что он с товарищами, и прошли день пути и искали его у родных и знакомых.

И не нашли, и вернулись
в Иерусалим за ним.

И только нашли его в храме: сидит между учителями, спрашивает и слушает их.

И дивились все, кто слушал, разуму его и речам.

Увидали его родители и удивились; и мать сказала ему:

Сынок, что ты это с нами сделал? вот и отец и я – мы горюем и ищем тебя.

И он сказал им: зачем вы ищете меня? Разве не знаете, что мне надо быть в отцовском доме?

И они не поняли того, что он сказал им.

И подошел к ним и пошел с ними в Назарет. И слушался их, и мать его принимала в сердце свое все слова его.

И Иисус подвизался в возрасте, в разуме и в милости у Бога и у людей.

И Иисусу стало около тридцати лет, и думали, что он сын Иосифа.

Стих 23-й из III-й главы помещен здесь для последовательности изложения. Стихи же об Иоанне Крестителе войдут в свое место.

Смысл стихов следующий:

О детстве вообще Иисуса передается только то, что и без Отца он рос, мужал и становился разумен не по годам, так что видно было, что Бог любил его. В частности, из всего детства его передается один только случай о том, как он пропал, когда Мария и Иосиф были у праздника в Иерусалиме, и как его нашли в храме с учителями. Он слушал и спрашивал, и все дивились его разуму.

Мать стала упрекать его за то, что он ушел от них, за то, что они искали его. А он сказал ей: чего же вы искали? Разве не знаете, где искать всякого человека: в доме Отца. У меня ведь нет отца – человека, стало быть, Отец – Бог. Храм – дом Бога. Если бы вы искали меня в доме Отца моего, в храме, вы бы нашли меня.

Рассказ этот, кроме указания на необыкновенный в детстве разум Иисуса, особенно ясно выставляет тот естественный ход мысли, по которому умный заброшенный ребенок, видевший вокруг себя детей, у которых у всех есть плотские отцы, и не знавший себе отца плотского, признал отцом своим – начало всего – Бога. Понятие о том, что Бог есть Отец всех людей, было выражено в еврейских книгах. Малахия II,10. Разве не один у нас всех Отец? Разве не один Бог сотворил нас всех?

(Мр. I, 4)

Явился Иоанн Купало в степи и проповедовал купанье в знак перемены жизни, в знак освобождения от заблуждения.

Βαπτίζω – купаю, омываю. Я предпочитаю народное выражение «купать» слову «крестить», потому что «крещение» получило церковное значение таинства и не выражает самого действия, выражаемого глаголом βαπτίζω.

Εἰς я перевожу: *в знак*, как оно весьма часто переводится, так как значение *в* здесь не применимо.

Μετάνοια – слово в слово – *передумание, изменение мысли*. «Покаяние» верно бы передавало значение слова, если бы слово «покаяние» не получило свойственного ему церковного значения. Я ставлю слово *обновление*, имеющее в народном языке значение покаяния, но не столько в смысле раскаяния, сколько в смысле внутреннего изменения.

Ἀμαρτία – значит грех, но не в смысле греха религиозного, но греха в смысле ошибки, огреха; и потому я перевожу это слово через *заблуждение*.

(Мф. III, 4; Мр. 1, 1–3; Лк. III, 5, 6)

Одежда Иоанна была из верблюжьего волоса, и подпоясан он был ремнем. Питался он саранчой и зелием.

Начало возвещения о благе Иисуса Христа сына Бога было так, как написано у пророков: вот я посылаю вестника моего, чтобы он приготовил мне путь (Малахия 3, 1).

Голос взывает к вам: в пустыне приготовьте путь Господу, легким сделайте путь его.

Чтобы всякая впадина заровнялась и чтобы всякий пригорок и бугор снизились, чтобы все кривизны выпрямились и бугры сделались гладкой дорогой.

И весь мир увидит спасение от Бога.

Мф. III, 1; Лк. III, 1. В стихах этих изложены исторические события, не относящиеся ни до Иисуса Христа, ни к содержанию учения.

(Мф. III, 2)

Иоанн говорил: одумайтесь, потому что наступило царство небесное.

ἤγγιξε есть перфект и означает то, что совершил ось и теперь совершается. Глагол значит *приближаюсь*. В форме перфекта он означает то, что царство Бога уже приблизилось так, что больше приближаться не может. И действительно, по всем пророчествам царство Бога было в будущем и приближалось. Теперь же оно совсем приблизилось. И потому ἤγγιξε должно быть переведено в этом месте *теперь пришло, наступило*.

Царство небесное. Слова эти получили свое церковное значение. Они означают царство, составленное из всех верующих. Царем в нем Иисус Христос. Очевидно, не об этом царстве небесном мог до Иисуса говорить Иоанн Креститель. В устах Иоанна Крестителя и Иисуса Христа слова эти должны иметь значение, понятное для всех тогдашних слушателей. Царство небесное для всех слушающих евреев означало *пришествие Бога в мир и воцарение его над людьми*, то, чем переполнены все пророчества Захария, Иосии, Малахии, Иоила, Иеремии. Особенность смысла речей Иоан-

на Крестителя от других пророков состоит здесь в том, что тогда как другие пророки неопределенно говорили о будущем воцарении Бога, Иоанн Креститель говорит, что царство это наступило и воцарение совершилось. Все почти пророки при этом воцарении Бога предсказывали внешние чудесные, страшные события, один только Иеремия предсказывал воцарение Бога в людях не внешними явлениями, а *внутренним соединением Бога с людьми*, и – потому утверждение Иоанна Крестителя о том, что – царство небесное наступило, несмотря на то, что не было никакого страшного явления, надо понимать так, что наступило то внутреннее царство Бога, о котором предсказывал Иеремия.

(Мф. III, 5, 6 /Мр. 1, 5/; Лк. III, 7, 8 /Мф. III, 8/)

И к Иоанну приходил народ из Иерусалима и из деревень по Иордану и из всей земли Иудейской.

И он купал в Иордане всех тех, которые сознавались в своих заблуждениях. И он говорил народу: змеиная порода!

Кто научил вас бежать от наступающей воли Божией.

Принесите плоды, согласные с переменой.

Слова, служащие продолжением 8-го стиха Лк. III, о том, что иудеи считают отцом своим Авраама, относятся только к иудеям и не заключают в себе никакого поучения и, кроме того, прерывают речь о плодах и дереве, и потому пропускаются.

(Як. III, 9-14)

Топор уже лежит у корня дерева, и если дерево не прино-

сит плода доброго, дерево срубают на дрова и жгут:

И спрашивал его народ: что нам делать?

Он сказал им в ответ: у кого две одежды, тот дай тому, у кого нет, И у кого есть хлеб, делай то же.

Пришли откупщики на его купанье и сказали ему: учитель, как нам быть?

Иоанн сказал им: ничего против вам положенного не вымогайте.

И спросили воины: как нам быть? И он сказал: никого не тревожьте и ни на кого не лгите. Будьте довольны своим положением.

Стих 15-й говорит по Луке, что следующие слова о том, что тот, кто сильнее его, идет в мир, сказаны Иоанном в ответ на предположение о том, что он Христос. Но слова эти прямо продолжают только речь о приготовлении пути для того, кто идет, и вовсе не отвечают на мнимый вопрос: Христос ли он, или нет. Он не говорит того, что он Христос или не Христос, ни того, что тот, кто идет после него, – Христос или нет; даже у Иоанна этого не сказано; и потому этот стих пропускается. (Лк. III, 18; Мф. III, 11; Мр. 1, 8 /Лк. III, 16/)

И много еще другого, призывая народ, возвещал он об истинном благе.

И взывал к народу и говорил: Я купаю вас в воде в знак обновления, но идет тот, кто сильнее меня и кого я не стою. Я омываю вас водою, он же очистит вас духом (и огнем). Βαπτίζω, кроме значения: *купание*, имеет значение и *очи-*

щение, и по смыслу места здесь должно быть переведено словом: *очистить*.

«Духом святым и огнем». Слово святым прибавлено, как и значится в некоторых списках и цитатах древних церковных писателей, и как оно прибавляется почти везде к слову *дух*. Слово *огнем* не стоит у Марка, но прибавлено у Луки и Матфея. Мысль, та, что как хозяин очищает гумно огнем, так очистит вас тот, кто сильнее духом.

(Мф. III, 12 /Лк. III, 17/; Мф. III, 13,/Мр. III, 9; Лк. III, 21/; Мф. III, 16)

У него лопата в руке, и он очистит гумно свое. Пшеницу соберет, а мякину сожжет.

Тогда пришел Иисус из Галилеи на Иордан к Иоанну на его купанье.

Иисус очистился у Иоанна.

Стихи 14-й и 15-й Мф. III, не вполне понятны и в том смысле, в котором они понимаются, ничего не прибавляют к учению.

Продолжение 16-го стиха Мф. III и Мр. 1, 10, Лк. III, 22, говорят о чуде, о событии неестественном и непонятном. Стихи эти ничего не прибавляют к учению, но, напротив, затемняют его. О том, как чудеса нарушают смысл учения, будет сказано в своем месте.

Общий смысл проповеди Иоанна

В чем состояло учение Иоанна? Обыкновенно говорят, что мы ничего или очень мало знаем о том, что проповедовал Иоанн. И действительно, если признать то, что Иоанн объяснял только наступление того царства небесного, которому учил Иисус, или проповедовал, как прежние пророки, пришествие Бога, то в проповеди Иоанна не остается никакого содержания. Но если мы только перестанем относиться к написанным словам, как в волшебной сказке, отыскивая везде чудеса и пророчества, то проповедь Иоанна получит большое содержание.

Обыкновенно Иоанна представляют церковные как предтечу Христа, а вольнодумцы – как одного из тех поэтов либералов, называемых пророками, которые не переводились между иудеями и говорили общие нравственные места. Но если мы только дадим себе труд понимать слова, которые пред нами, просто и без предвзятых мыслей, то содержание проповеди Иоанна Крестителя, и очень важное содержание, тотчас окажется.

Сказано, что царство небесное совсем приблизилось. Ни один из пророков не говорит этого. Все говорили, что Бог придет, будет царем, сделает то-то, но все это будет когда-то. Иоанн сказал: царство небесное совсем приблизилось. Ничего особенного, заметного не случилось, но оно пришло.

То, что особенность про поведи Иоанна состояла в возвещении о том, что царство небесное совсем приблизилось или наступило, или, по крайней мере, что Иисус так понимал эти слова, доказывается тем, что после Иисус говорил: Закон и пророки до Иоанна. С Иоанна же царство Бога возвещается как благо, и всякий усилием входит в него (Лк. XVI, 16)..

Стало быть, вот первое значение проповеди Иоанна. Ни один пророк еще никогда не говорил этого. Все пророки прежние, кроме Иеремии (XXXI, 31), предсказывали необыкновенные внешние события пришествия Бога: казни, холода, заразы, истребления, войны и плотские блага. Иоанн ничего подобного не предсказывает. Он только говорит о том, что никому не отбыть воли Божьей, что-то, что не нужно, то истребится, и останется только то, что нужно. Он только говорит: *Обновитесь!* Это главная особенность его проповеди, и самое значительное в ней то, что он говорит: Я очищаю вас водою, но то, что должно вас очистить, то, что очистит вас вполне, – это дух, Т. е. что-то невидимое, неплотское. Иоанн сказал: До сих пор вам говорили, что царство небесное придет когда-то, я говорю вам, что оно уже наступило. Для того, чтобы вступить в него, нужно обновиться, отречься от заблуждений. Я могу только внешне очищать, очистит же вас только дух.

Вот то учение, которое слышал Иисус. Царство небесное наступило, но, чтобы вступить в него, нужно очиститься духом.

И вот, исполненный духа, Иисус идет в пустыню, чтобы испытать дух свой.

Искушение в пустыне

(Лк. IV, 1 /Мф. IV, 1; Мр. 1, 12/; Лк. IV, 2)

Тогда Иисус, исполнившись духа, пошел от Иордана в пустыню.

И там его испытывал искуситель.

Διᾱβολος я перевожу искуситель для того чтобы придать слову его значение, а не значение того Дьявола, которое составилось теперь.

(Мр. I, 13; Мф. IV, 3, 4; Лк. IV, 9 /Мф. IV, 5/; Лк. IV, 10/ Мф. IV, 6/; Лк. IV, 11 /Мф. IV, 6/; Лк. IV, 12/Мф. IV, 7/; Лк. IV, 5 /Мф. IV, 8/; Лк. IV, 6/Мф. IV, 9/; Лк. IV, 7 /Мф. IV, 9/; Лк. IV, 8 /Мф. IV, 10/; Лк. IV, 13,14)

И был Иисус в этой пустыне 40 дней и не ел ни чего и отощал.

И приступил к нему искуситель и сказал: если ты сын Бога, то скажи, чтобы камни эти стали хлебами.

А Иисус отвечал: Написано: человек жив не хлебом, но всем тем, что исходит из уст Бога (духом).

Искуситель привел Иисуса Христа в Иерусалим и поставил его на крыле церковном и сказал ему: если ты сын Бога, бросься отсюда вниз.

Написано ведь, что он посланцам своим накажет о тебе, чтоб берегли тебя.

И на руки подхватят тебя, чтобы ты о камень не споткнул-

ся ногой.

И отвечал ему Иисус и сказал: Потому что сказано: не испытывай Бога твоего.

И опять взял его искушитель на высокую гору и представил ему все царства земли в мгновение ока.

И сказал ему: Дам тебе всю эту власть и славу их, потому что мне они переданы, и кому хочю – даю их.

Если почтишь меня, то все будет твое.

Тогда отвечал Иисус и сказал: Отойди (лукавый), враг; написано: Господа твоего почитай и ему одному работай.

Тогда искушитель отстал от него на время, и сила Божия пришла к нему и служила ему.

И возвратился Иисус в силе духа в Галилею.

Место это искушения особенно замечательно тем, что составляет камень преткновения для толкования церкви, так как самая мысль о Боге, искушаемом Дьяволом, сотворенным Богом, составляет внутреннее противоречие, из которого нельзя выйти.

Из смысла всей главы не только не видно, того, чтобы писатель разумел под сатаною действительное лицо, но видно совсем обратное.

Если бы писатель представлял себе лицо, он бы хоть что-нибудь сказал о нем, о его виде, о его действиях, а тут, напротив, ни одного слова нет о самом лице. Лицо искушителя упоминается только ровно настолько, насколько нужно выразить мысли и чувства Христа. Несказанно, как он подошел

к нему, ни как переносил его, ни как исчез, ничего несказанно. Говорится только об Иисусе и о том враге, который есть в каждом человеке, о том начале борьбы, без которой немислим живой человек. Очевидно, писатель с простыми приемами хочет выразить мысли Иисуса. Чтобы выразить мысли, надо заставить говорить его, но он один. И писатель заставляет говорить Христа с самим собою, и он называет один голос голосом Иисуса, а другой-то дьяволом, Т. е. обманщиком, то искушителем.

В церковном толковании прямо сказано, что не надо и нельзя (хотя, как всегда, не сказано, почему это не надо и нельзя) считать дьявола представлением, а надо считать действительным лицом, и такое утверждение привычно нам.

Для всякого человека, свободного от церковного толкования, будет ясно, что слова, приписываемые искушителю, выражают только голос плоти, противный тому духу, в котором находился Иисус после проповеди Иоанна. Такое понимание значения слов: искушитель, обманщик, сатана, означающих одно и то же, подтверждается 1) тем, что лицо искушителя введено только ровно настолько, насколько оно нужно для выражения внутренней борьбы; ни одной черты относительно самого искушителя не прибавлено; 2) тем, что слова искушителя выражают только голос плоти и больше ничего, и 3) тем, что все три искушения суть самые обычные выражения внутренней борьбы, повторяющиеся в душе каждого человека.

В чем же состоит эта внутренняя борьба?

Иисусу 30 лет. Он считает себя сыном Бога. Вот все, что мы знаем о нем в то время, как он слушает проповедь Иоанна. Иоанн проповедует, что пришло царство небесное на землю, что для вступления в него, кроме очищения водой, нужно очищение духом. Никакого внешнего поразительного состояния Иоанн не обещает. Признака внешнего наступления царства небесного не будет. Единственный признак его пришествия есть какое-то внутреннее не плотское явление – очищение духом.

Исполненный мыслью об этом духе. Иисус уходит в пустыню. Мысль его о своем отношении к Богу выражена в предшествующем. Он считает отцом своим Бога, он сын Бога, и для того, чтобы Отец его был в мире и в нем самом, ему надо найти этот дух, который должен очистить мир, и этим духом очистить себя. И чтобы изведать этот дух, он подпадает – дает искушению, удаляется от людей и уходит в пустыню. Вместе с сознанием своей сыновности Богу и своей духовности он хочет есть и страдает голодом.

И голос плоти говорит ему: *если ты сын Бога, прикажи, чтобы из камней стали хлебы*. Если понимать слова эти как понимает их церковь, именно: что Дьявол, искушая сына Бога, хочет от него доказательства его божественности, – то нельзя понять, почему Иисус Христос, если он мог это сделать, не претворил камней в хлебы. Это был бы самый лучший и простой и короткий, достигающий цели, ответ.

Если слова: «Если ты сын Божий, вели, чтобы камни стали хлебами» – есть вызов к чуду, то необходимо, чтобы Иисус, отвечая, сказал: «Не хочу делать чуда» или что-нибудь соответствующее вопросу; но Иисус ничего не говорит о том, хочет ли он, или не хочет делать то, что ему предлагает Дьявол, но отвечает совсем другое и даже не упоминает ничего об этом, а говорит: *не хлебом одним жив человек, а всем, исходящим от Бога*. Слова эти не только не отвечают на упоминание Дьявола о хлебе, но говорят совсем другое. Из того, что Иисус не только не делает из камней хлеба, чего очевидно нельзя сделать, и даже не отвечает на эту невозможность, а отвечает на общий смысл, видно, что слова эти не могли иметь прямого значения: *скажи, чтоб из камней сделался хлеб*, – а имеют то значение, которое они имеют, когда прямо обращены к человеку, а не к Богу. Если они обращены просто к человеку, то значение их ясно и просто.

Слова эти значат: Хлеба тебе хочется, и потому позаботься, чтоб хлеб у тебя и был, потому что сам видишь, что словами хлеба не сделаешь.

И Иисус отвечает не на то, почему он не делает хлеб из камней, а на тот смысл, который лежит в словах: *покоряешься ли ты требованиям плоти?* он отвечает: *человек жив не хлебом, а духом*.

Смысл отдельного этого изречения очень общ. Для того, чтобы понять его определеннее, надо вспомнить все начало главы и то, к чему сказаны эти слова. (Во Второзаконии гл.

ВII. 5-й книги Моисея сказано:

1. Все заповеди, которые я заповедую вам сегодня, старайтесь исполнять, дабы вы были живы и размножились и пошли и завладели землею, которую с клятвой обещал Господь отцам вашим.

2. И помни весь путь, которым вел тебя Господь Бог твой по пустыне вот уже сорок лет, чтобы смирить тебя и узнать, что в сердце твоём, будешь ли хранить заповеди его, или нет.

3. Он смирил тебя, томил тебя голодом, питал тебя манною, которой не знал ты и не знали отцы твои, дабы показать тебе, что не одним *хлебом живет человек, но всяким словом, исходящим из уст Господа, живет человек.*

4. Одежда твоя не ветшала на тебе, и нога твоя не пухла вот уже сорок лет.

5. И знай в сердце твоём, что Господь Бог твой учит тебя, как человек учит сына своего.

6. Итак, храни заповеди Господа Бога твоего, ходя путями его и боясь его.

7. Ибо Господь, Бог твой, ведет тебя в землю добрую, землю где потоки вод, источники и озера выходят из долин и гор.)

И вот на слова Дьявола о голоде Иисус, вспоминая Израиля, жившего 40 лет в пустыне: и не погибшего, этими словами отвечает искустителю: *не хлебом жив человек, но волею Божией жив человек.* Т. е. как Израиль надеялся на Бога и Бог привел его, так и я надеюсь на Бога, отвечает Иисус.

На эти слова Иисуса Дьявол берет его и несет на храм, повторяя опять: *если ты сын Бога, бросься отсюда.*

Слова эти стоили много труда церковным толкователям. Толкования же не нужно никакого: Дьяволом называется голос плоти, говорящий в том же Иисусе. И потому слова эти прямо значат: И представление перенесло его на храм; или: И ему представилось, что он стоит на высоте, и голос плоти сказал ему, повторяя опять: Если ты сын Божий, бросься отсюда.

По церковному толкованию эти слова ничем не связаны с первыми и опять не имеют другого значения кроме того, что Дьявол вызывает Иисуса сделать ненужное чудо. Слова Дьявола из 91 псалма о том, что ангелы поддержат его, тоже по церковному толкованию ничем не связываются с предшествующим, и весь этот разговор представляется бесцельным. Бессвязность и бессмысленность церковного толкования второго искушения про исходит от ошибки понимания смысла первых слов. Первые слова: *сделай хлеба из камней*, – поняты не как выражение невозможности (иметь хлеб, когда не запас его), а как вызов на чудо, заставили и на последующие слова: бросься вниз, смотреть тоже, как на вызов к чуду. Слова же эти, очевидно, связаны с первыми внутренним смыслом. Связь эта очевидна уж и потому, что как первые, так и вторые слова начинаются одним и тем же выражением: *если ты сын Божий.*

Кроме того, во втором ответе слово *бти* – *потому что*, сто-

ящее у Луки, ясно показывает, что Иисус не отвечает на слова Дьявола: «бросься вниз», но отвечает на свой отказ броситься вниз. Иисус как в первом, так и в третьем искушении не говорит: *написано* и т. д., а говорит: *потому что написано*, то есть говорит: *Я не брошусь, потому что написано*.

С первых слов голос плоти хочет показать Иисусу ложность его убеждений в том, что он есть духовное существо и сын Божий. Ты говоришь: Ты сын Божий, ушел в пустыню и думаешь освободиться от похоти плоти. А похоть плоти мучает тебя. Здесь не удовлетворишь похоти; камней хлебами не сделаешь, так лучше поди туда, где есть из чего делать хлеб, и делай его или запасай его и носи с собою и ешь, как все люди.

Вот что сказал голос плоти в первом искушении. На это Иисус, вспоминая Израиля в пустыне, сказал: Израиль сорок лет жил в пустыне без хлеба и питался, и жив остался, потому что Бог хотел этого. Стало быть, не хлебом жив человек, а волей Божьею.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.